

УДК 821.161.2 "17-18" – 94.09: 910 (476)

Беларусь в украинской мемуаристике конца XVII – начала XVIII вв.

Э. ДЮКОВА

Украинские исследователи, особенно в последние десятилетия, уделяют пристальное внимание литературе Позднего Средневековья. По мнению ученых (П. Билоус, М. Сулима и др.), в конце XVII – начале XVIII в. появляются тексты, иллюстрирующие начало украинской мемуаристики. Свидетельство тому – описание путешествий Ипполита Вышенского, В. Григоровича-Барского, Серапиона, Луки Яценко. Показательно, что тематика мемуаристики нередко вырастала из идеи паломничества [2, с. 128].

Украинские паломники, ведомые желанием поклониться христианским святыням, традиционно странствовали в Иерусалим, немного реже – на Афон и в Константинополь. Путешествуя зачастую одними и теми же маршрутами, они по-разному описывали свои впечатления и приключения.

Приблизительно с XV в. украинцы все чаще устремляются за границу в поисках углубленных знаний. Так, известно, что в Кракове и в итальянской Болонье обучался в XV в. Юрий Дрогобыч (фамилия образована от названия города Дрогобыча, на Львовщине, где родился Юрий), Павло Русин из Кросно слушал лекции в Краковском и Грейфсвальдском (Германия) университетах; Феофан Прокопович совершенствовал образование в коллегии св. Афанасия в Риме... В 1641 г. в Венеции вышла в свет книжка Якова Седовского «Анатима тис тімис добродѣтелями и благочестієм украшенну искуснѣйшему и цѣломудрѣйшому мужу кир Григорію Кірницькому, в Россіѣ Лвовскія земля обывателю», посвященная присвоению докторской степени львовянину Григорию Кирницкому в Падуанском университете.

В числе студентов-путешественников оказался и Илья Турчиновский (род. В 1695 г.). Получив образование в Киево-Могилянской академии, он отправился на поиски университета, в котором можно было бы усовершенствовать свои познания. Странствие его началось в 1710 году. Дорога пролегла из Березани в Чернигов, затем, через село Синявку, в Киев. Жажда знаний пробудила в нем желание отправиться в «Литовское Княжение, в королевский город Могилев» На пути молодого человека поджидало немало испытаний. Белорусский маршрут Турчиновского пролегал не только через Могилев и попутные деревни. Он пытался обосноваться и в Шклове, также заезжал в Гомель и Лоев. «И от Гомля, когда там же судно плаваніе возъмѣли, то в едином мѣсцю, припознясь, случаем нагнали судно на древо...» [1, с. 417]. Прошел Турчиновский затем и через украинские Рипки, Седнив, Чернигов. И, наконец, вернулся на родину, в переяславскую Березань.

Свое путешествие, «житие и страдание» Илья Турчиновский описал в «Автобиографии». Это произведение прошло мимо внимания белорусских исследователей. На Украине же «Автобиография» Турчиновского была включена в известную «Хрестоматию по древней украинской литературе», составленную академиком А. Билецким [1, с. 413-417]. Ученый считал этот текст весьма интересным, перепечатал его из февральского номера журнала «Киевская старина» за 1885 год. Вошло это произведение и в антологическое издание «Украинская литература XVIII века», подготовленное О. Мышаньчем [6, с. 572-575]. Текст «Автобиографии» Ильи Турчиновского считается сегодня важной страницей украинской художественно-документальной прозы.

С точки зрения белорусских ученых, особый интерес «Автобиография» могла бы вазвать имеющимися там записями о Беларуси. Турчиновский, в связи с военными событиями 1709-1710 годов (война со шведами), вынужден был прервать обучение в школах Киева и Чернигова. Из биографии следует, что был он и студентом Киево-Могилянской академии,

обучаясь у ректора Феофана Прокоповича и «подпрофессора» Загурского. Как отмечает сам Турчиновский, на западе – «в Польше», в Могилеве он стремился просветиться насчет «языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія» [1, с. 416]. Илья Турчиновский довольно подробно описывает свои приключения на белорусской земле. О том, как обучился «чину певчѣскому», как ксендзы чинили ему препятствия в обучении. Из-за козней завистников пришлось певчому Илье отпроситься у епископа могилевского и поехать в город Шклов, где в монастыре Благовещения Господнего прослужил он четыре года. Но и здесь настигли Турчиновского гонители, как он называет их, – «римляне». От смерти спасли только местные мещане, когда враги несли его, избитого, «в Днѣпр рѣку утопить» [1, с. 417].

Произведение это являет собой синтез биографии и путешествия. Илья Турчиновский описывает свой жизненный путь от рождения в 1695 году до того счастливого для него события, когда в 1718 году «в ноябри 3-м числѣ в городку Березанѣ до храму Успенія Богоматери в священника рукоположен...» [1, с. 417]. Вся его сознательная жизнь проходит в пути. И нужно сказать, что «Автобиография» содержит интереснейший материал о жизни многоконфессионального белорусского населения (Турчиновский упоминает «римлян», «езовитов», «доменѣкан»). Особый интерес представляют подробности описаний Могилева и Шклова. И хотя автор не дает нам ярких пейзажных картин, описаний архитектуры, жизненного уклада местного населения, бытовые зарисовки являются, безусловно, информационно ценными. Сопоставление отдельных фактов, поданных в «Автобиографии», с материалами, зафиксированными официальной исторической наукой, подтверждают документальную подлинность мемуаров Турчиновского. Частое упоминание в «Автобиографии» могилевского архиерея Сильвестра Четвертинского подтверждает время «прохождения наук» в Беларуси ее автором. Могилевской православной епархией с 1704 по 1728 год руководил именно Сильвестр Четвертинский. Как известно, после перехода Киевской митрополии под юрисдикцию Московской патриархии в 1685 году, могилевских епископов назначала Москва, однако их кандидатуры по-прежнему утверждала королевская власть. Официальные установки по-своему воспринимались в народе. И именно поэтому в восприятии Турчиновского город Могилев фигурирует как «королевский». Приняв предложение епископа «пристать к нему на должность пѣвческую с общаніем награжденія» [1, с. 416], Турчиновский оказался мишенью для бесконечных козней езуитов. Его толерантность и объективность подтверждается тем, что аморальные поступки автор записок изобличает и среди своего православного окружения...

Для белорусских литературоведов, изучающих развитие драматургии и театра, особый интерес может представлять небольшой эпизод следующего содержания. Автор «Автобиографии» с двумя студентами, которые после науки в Киево-Могилевской академии, безрезультатно пытались продолжить образование в Орше и Могилеве, в городе Шклове в монастыре Благовещения Господнего, под покровительством игумена Феодосия, «на свѣтлое воскресеніе вправили діалог з інтермедією» [1, с. 416]. Известно, что Киево-Могилевская академия славилась студенческими драматическими постановками. Несмотря на то, что Турчиновский не сообщает никаких подробностей об упомянутом представлении, мы можем предположить, что это была одна из интермедий, созданных именно в стенах Киево-Могилевской академии. Отметим, что в Украине существовала практика постановок на Рождественские и Пасхальные празднества. В школьных же театрах Беларуси постановка интермедий на Страстной неделе перед Воскресением Христовым не практиковалась и, соответственно, такие произведения не создавались. Поскольку сюжеты для своих постановок студенты черпали из реальной окружающей их жизни, а среди киево-могилянских учащихся, рядом с украинцами, было немало и белорусов, именно украинский и белорусский элемент были в интермедиях определяющими. Причем, одно из главных правил драматургического действия заключалось в том, чтобы действующие лица говорили на своем родном языке. Добро и зло в таких произведениях, отмечают исследователи украинско-белорусских литературных связей, также как и в фольклорных произведениях, осмысливается, как правило, с позиций обычной народной морали. Главное стремление действующих лиц – «вызвать юмористическую реакцию на самые обычные, повседневные явления и события». С этой целью талантливые представители украинского и белорусского народа литературно обрабатывали народные пересказы, анекдоты, комические

жизненные ситуации. В них перед зрителями подавались симпатичные «образы казаков-запорожцев, трудолюбивых крестьян-литвинов, с симпатией доброжелательным юмором представляли простые крестьяне, хитрые цыгане; с въедливой иронией рисовались шляхтичи-самодуры, осуждалась католическая экспансия ксендзов». В интермедиях органично соединяются черты народной смеховой культуры и карнавального действия [2, с. 140-152]. Потому не удивительно, что, как отмечает сам Турчиновский, постановка имела колоссальный успех: «всѣ тому удивлялись, яко там, в тих краях, той вещи не видали» [1, с. 416].

Упоминаются в тексте и военные события, в частности, Турчиновский пишет о том, что его отец с украинским переяславским полком под руководством полковника Мировича участвовал в битвах под Ляховичами во время войны Московского государства со шведами: «отец мой с походу с-под Ляхович, от шведських рук сохранен, сам един (а сотня вся там с полком пропала) пришел в дом...» [1, с. 415].

Подробности жизнеописания Турчиновского наполняют образ эпохи конкретикой, пропущенной через судьбу отдельного человека. Так, к примеру, узнаем, что украденные у Турчиновского книги были проданы «шинкарке за цебер меду» [1, с. 415]. Зафиксированы в тексте и сумма оплаты за тот или иной вид службы. Называет Турчиновский с благодарностью имя искусной народной врачевательницы «шкловской вдовы Евдокии Машихи» [1, с. 417]. Связала судьба молодого человека и с порядочными людьми, шкловскими купцами Иваном Роной, Иваном Мазуровичем и Михайлом Косебуцким. Известен нам и их промысел – купец Иван Рона, неоднократно поддерживавший Турчиновского, возил в Могилев железо из Стародуба. Стародуб, известный еще по летописям, был в характеризующее время городом, имеющим магдебургское право. Как отмечают украинские издания, в 1660-х годах территории Стародубского и соседнего Черниговского полков были главными украинскими поставщиками на внешнем рынке пряжи, конопляного масла, меду, воску, пушнины [3, с. 822]. Илья Турчиновский оставил нам также немногословную характеристику отдельных местных жителей белорусских земель, неоднократно спасавших его от смерти. Рассказывая о своих бедствиях, автор с топонимическими подробностями составил маршрут своих «хождений» по Беларуси...

«Автобиография» Ильи Турчиновского, как мы уже убедились, действительно может свидетельствовать о развитии жанра мемуарной литературы на Украине. В то же время проанализированный материал позволяет увидеть в «Автобиографии» зарождение художественной беллетристики. Повествование в произведении содержит в сжатом виде многочисленные фабулы. Так, студента в пуще грабят, привязывают к дереву, мучают, хотят убить; его, как талантливого певчего, из ревности и зависти сбрасывают во время службы с церковных хоров, и спается он тем, что падает на головы молящихся женщин, одна из которых в результате перелома шеи умирает. После удачного представления в православном монастыре студента неоднократно приглашают в кляштор доминиканцев: «просили губернатора, чтобы мнѣ на их празники приходить в кляштор до органов с пѣвчими своїми спѣвать». За отказ принять участие в таких торжественных мероприятиях – «я много отказывался, яко нам благочестивим в римській кляштор неприлично входить, да и правила святых отец возбраняют» – и желая избавиться от непрошеного талантливого «конкурента», Турчиновского, среди ночи вытянувши из спальни, «безмилосердне били и шаблями рубили.., и несли... у Днѣпр рѣку утопить...» [1, с. 417]. Все эти житейские злоключения (будь они написаны в более позднее, в отношении литературного процесса, время) можно было бы развернуть при соответствующей художественной обработке в занимательные сюжеты приключенческого жанра. Как мы убедились, этому могли способствовать и талант Ильи Турчиновского, и колоритная белорусская действительность во всем ее многообразии.

Белорусская мемуаристика, представленная именами Федора Евлашовского, Яна Цадорскага, зародилась приблизительно в то же время. Несколько раньше выступил Ф. Евлашовский, «Исторические записки» которого считают «одним из первых значительных памятников мемуарного жанра национальной литературы Беларуси Эпохи позднего Ренессанса» [5, с. 334]. 1682 годом датируется последняя запись Я. Цадорского. Поскольку в украинском материале, как мы показали, и прямо и косвенно события касаются белорусских земель, можем с полным правом считать мемуаристику украинцев источником знаний и о белорусской исто-

ри.

Abstract. The article analyses the problem of Belarus' image in the Ukrainian memoir prose of the period from the end of 17th till the beginning of 18th centuries.

Літаратура

1. Автобіографія Іллі Турчиновського // Хрестоматія давньої української літератури (доба феодалізму) / Упор. О.І. Білецький. – Київ. 1952. – С.413–417.
2. Білоус П.В. Українська паломницька проза: історія жанру. – Київ. 1998. – 126 с.
3. Довідник з історії України. – Київ. 2002. – С. 822
4. Кабржыцкая Тацяна, Рагойша Усевалад. Феномен часу: Драматургія Кіева-Магілянцаў як выява ўкраінска-беларускай культурнай супольнасці. // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе. – Мн. 2007. – С. 140 – 152.
5. Саверчанка І. Старажытная беларуская літаратура (XII – XVII ст.) / Уклад., прамова і коментар Івана Саверчанкі. – Мн. 2007. – 602 с.
6. Турчиновський І. Автобіографія // Українська література XVIII ст. Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові твори / Упор. О.В. Мишанич. – Київ. 1983. – с. 572–575.

Белорусский государственный университет

Поступило 12.11.07